УДК 82

МЕЖЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ПРЕДМЕТ КОМПАРАТИВИСТСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2010 г.

В.Р. Аминева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

amineva1000@list.ru

Поступила в редакцию 29.03.2010

В литературоведческую компаративистику вводится понятие межлитературного диалога. Устанавливаются типы диалогических отношений между русской литературой XIX в. и татарской прозой I трети XX в., которые оказываются существенными для представления о каждой из литератур как о сложно построенной и внутренне связанной целостности, а также о формах межлитературного процесса.

Ключевые слова: русская и татарская литературы, диалог, читатель.

Основу межлитературных взаимодействий составляют процессы сохранения и приумножения художественно-эстетических ценностей в результате их освоения, сопоставления, приятия или неприятия представителями иной культуры. Эти процессы имеют активный творческий характер и основываются на диалогических отношениях, принципиально открытых, незавершенных, аккумулирующих в себе содержательную энергию национального литературно-эстетического развития и духовные ценности народов. Диалог литератур – это межсубъектные отношения в их предельной выраженности при несовпадении субъектов друг с другом, предполагающие контрастивный способ характеристики явлений разных национальных литератур.

Диалог литератур создает для каждой из них герменевтическую ситуацию, в которой осуществляется самопознание и происходит понимание Другого. Онтологические и экзистенциально-психологические аспекты понимания как процесса и особого состояния сознания раскрываются в трудах М.М. Бахтина, Х.-Г. Гадамера, П. Рикера и других. В работе «К методологии гуманитарных наук» М.М. Бахтин, поставив проблему «контекстов понимания» и разграничив малое время современности и большое время, «близкий» и «далекий» контексты, пишет о нескончаемом обновлении смыслов во все новых контекстах [1: 372]. В качестве такого «контекста понимания» русской литературы XIX в. в нашем исследовании выступает татарская проза первой трети XX столетия, остающаяся вне текстов русских писателей, но являющаяся своеобразным диалогизирующим фоном их восприятия. В работах М.М. Бахтина («Ответ на вопрос редакции «Нового мира», «Из записей 1970–1971 годов» и др.) высказывается мысль о продуктивности для понимания смысловой глубины произведения дистанции, «вненаходимости», – «пространственной, временной, национальной» [1: 346]. Позиция «вненаходимости» одной литературы по отношению к другой дает возможность иного, нового ее видения, недоступного взгляду «изнутри», позиции самонаблюдения.

Принципиально иная ситуация складывается в татарской литературе указанного периода: русская классика XIX в. осознается ею как такой же «полноправный субъект», реальный и конкретный «Другой» (по терминологии М.М. Бахтина), участвующий в концептуализации своего слова о мире и человеке. Высказывание строится не как целое одного сознания, художественного сознания данной национальной литературы, а как диалог, в данном случае содержательно и структурно обязательный, разных равноправных сознаний, осуществляемый на уровне корпуса текстов, осмысленных как целое.

Предпосылкой и основанием для постановки вопроса о моделях диалогических отношений между национальными литературами послужили семиотические и структуралистские концепции отечественной и зарубежной науки. С точки зрения структурно-семиотического подхода, диалог – основа всех смыслопорождающих механизмов в семиотическом универсуме. Диалог адресанта и адресата рассматривается в разных аспектах: как процесс, в ходе которого каждый из участников трансформирует другого и сам трансформируется под его воздействием; ситуация, которая «не стирает, а закрепляет, дела-

ет значимой индивидуальную специфику участников» [4: 220].

Онтологическое и концептуально-семиотическое осмысление основных моделей диалогических отношений между национальными литературами осуществляется с помощью категорий «своего» и «чужого», «я» и «другого». Природа «чуждости» основывалась на противопоставленности аспектов этнолингвистических, этиковероисповедальных, пространственно-географических [см.: 3: 222–232; 6: 95–101; 7: 5–30]. Объем и содержание концепта «чуждости» конституируют и те параметры, в которых формулируются дихотомные типологии культур. Например, для парадигмы антропоцентризма, с которой коррелирует понятие «Запад», чуждой будет парадигма космоцентризма, или трансцендентальной культуры, соотносимой с понятием «Восток». Х.-Г. Гадамер полемизирует с Ф.Э. Шлейермахером, трактующим проблему чуждости в психологическом ключе как данность, нерасторжимо связанную с тайной индивидуальности «Ты», и настаивает на герменевтическом понимании того напряжения, которое создает полярность «своего» и «чужого» [см.: 2: 350]. Поскольку пространство «чужого» всегда воспринимается как недоступное и непостижимое, предел «своего», концептуальную роль играет установление границы, где «свое» встречается с «чужим», осознает и проявляет себя. В процессе диалога культур и литератур его участники входят в мир иных художественно-эстетических ценностей и обретают свое неповторимое место в «зоне контакта» с «чужими» познавательными, этическими и эстетическими смыслами.

Осуществление диалога литератур как возможного и актуального развертывания смысловых отношений предполагает мир «третьего» – «нададресата», создающего то семантическое пространство, во времени и континуальности которого происходит встреча «я» и «другого»: «Именно присутствие третьего дает возможность непрерывного осуществления диалога. Обладая способностью сохранять внешнюю наличную непроявленность и незадействованность в обмене позициями, третий создает целостность высказывания и устанавливает его диалогичность, как бы возвышаясь в своей субстанциальности над его участниками» [5: 336]. Понятие «третьего» в трудах М.М. Бахтина и его последователей определяется как особая субстанция «бытия – понимания», в отношении к которой конкретные диалоги предстают ее синергетическими проекциями: Абсолютный нададресат – трансцендентальный субъект, тот, кто в диалоге не участвует, но его понимает, – создает вертикальную модель межлитературной коммуникации, которая может быть уподоблена культурной матрице дерева [5: 300]. Но основанием диалога являются и его участники: в нашем случае татарские писатели вступают в диалог с русской литературой; «третий» спускается из своего «надстояния» и растворяется в позиции автора.

Таким образом, концепция диалога литератур позволяет выделить в системе межлитературного процесса новую самостоятельную инстанцию – читателя, воспринимающее сознание которого становится «полем» диалогической встречи двух (и более) ценностно-смысловых ориентаций, позиций, голосов. Подобно тому, как художественное целое, являющееся инобытием авторского сознания, создает «концепированного» (Б.О. Корман), или «имплицитного» (Ж. Женетт), читателя, так и межлитературный процесс, прежде всего его субъектная архитектоника, предполагает постулируемого адресата – «идеальное воспринимающее сознание» (Б.О. Корман), за которым стоит реально существующий социально-исторический и культурно-психологический тип читателя-билингва, восприятие которого объективировано в высказываниях писателей, критиков, публицистов, литературоведов.

Активность читателя проявляется в том, что он конструирует архитектонику возникающих между национальными литературами диалогических отношений. «Нададресат» может выдвигать на первый план структурно-семантические комплексы и эстетические конструкции, в которых манифестируется уникальность и самобытность каждой национальной литературы. Механизмы формирования диалогичности данного типа («свое, противопоставленное чужому») объясняют лежащие в основании рассматриваемых культур системообразующие связи, а именно: «процедуры» порождения смысла, логико-семантические отношения, сообщающие системный характер текстам, создаваемым в рамках той или иной традиции. Так, родовидовой семантической логике, присущей европейской и русской культурам, альтернативна теория «указания на смысл», которая сложилась на арабо-мусульманском Востоке и имеет исторически устойчивый характер. «Подтвержденность» указания на смысл, как это следует из анализа произведений татарских прозаиков первой трети XX в., достигается с помощью разнообразных приемов метафорической эквивалентности и параллелизма, особой организацией текста, при которой определенные эпизоды

предваряют последующие события посредством символов, жестов, поэтических тропов. Описанная логика смыслопорождения реализуется в характерной для притчи коммуникативной стратегии и соответствует традициям воспитания – адаба. В произведениях русских писателей эстетической доминантой является сюжет, описательные элементы подчинены его задачам и вторичны по отношению к повествованию; преобладают нарративные структуры, как правило, чуждые риторике императивного, монологизированного слова. Противопоставление «своего» «чужому» делает познавательно актуальным то, что может лишь мыслиться, т.е. маркирует входящие в поле «своего» члены возникающих оппозиций: например, «указание на смысл» = не-повествование. Устанавливающееся при данном типе диалогических отношений мировоззрение оперирует парными понятиями и рассматривает их как контрастные друг другу, обладающие «семантическим» параллелизмом, вступающие в оппозиции, символическое противостояние и т.д.

При сопоставлении мотивационных структур в произведениях русских и татарских писателей устанавливается тип диалогических отношений «”свое”, полемизирующее с “чужим”». Антропоцентрическая модель мира, которая складывается в русском романе XIX в., оспаривается представлением о том, что человек находится под прямым воздействием неких высших внеличностных сил, определяющих его поступки. Анализ произведений Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Г. Исхаки и др. свидетельствует о продуктивности в татарской прозе первой трети XX в. характерной для теологического детерминизма логики сюжетосложения, а также о формировании картины мира, в которой не существует рубежа, разделяющего причинную и следственную области. Контекст татарской прозы первой трети XX столетия актуализирует в ключевых текстах русской национальной культуры: «Евгении Онегине» А.С. Пушкина, «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Обломове» И.А. Гончарова, романах Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др., – гносеологическое пространство, связанное с вопросами познания и выражения различных форм детерминаций; «сочинительные» связи, которые устанавливаются между множеством противоречивых и разнокачественных воздействий, образующих равнодействующую поведения. В творческом методе татарских прозаиков мотивировочные категории, принадлежащие разным смысловым рядам и находящиеся в русском классическом романе в драматическом единстве, взаимосвязи, взаимодействии, освобождены для самостоятельного существования и поставлены в подчинительные отношения. Тот тип целостности, который возникает в татарской прозе первой трети XX в., предполагает взаимообусловленность трансцендентного и субстанциального и оказывается полемичным по отношению к порождающему принципу классического русского романа XIX в. Архитектоника межсубъектных отношений выстраивается следующим образом: с интенцией «иносказательных сверхсмыслов» соотносится трансцендентное, стремящееся обрести субстанциальность; действие причинно-следственной логики сопоставляется с провиденциально-вероятностными совпадениями и отношениями. В воспринимающем сознании «нададресата» в данном случае актуализируется региональная специфика художественных текстов, то, что определяет их включенность в пространство «западной» или «восточной» культур.

Исследование принципов и приемов психологического анализа, используемых русскими и татарскими прозаиками, стало основанием для выделения типа диалогических отношений: «”свое” как переконструированное “чужое”». Внимание Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Г. Рахима сосредоточено на самосознании героев, их моральной рефлексии, духовном самоопределении. Г. Исхаки воссоздает историю духовного становления личности, вступающей в конфликт с нормами и обычаями своей среды, устремленной к общенародным и общечеловеческим ценностям, способной к социально-идеологическому новаторству. В рассказах и повестях Ф. Амирхана способы аналитического воспроизведения противоречивой динамики внутренней жизни, ее контрастных проявлений, психологии душевного раздвоения являются и средством индивидуализации характеров, и способом социальной типизации образов. В рефлектирующих персонажах Г. Ибрагимова актуализован код «лишних людей». Писатель изображает трагические противоречия жизни и сознания человека, прибегая к таким способам и приемам психологического изображения, как: рационализация психологического процесса, представляющая внутренний мир человека через его самоанализ и самораскрытие; воспроизведение потока душевной жизни, тяготеющее к исповедальности; изображение миросозерцательных реакций на действительность как формы нравственно-философских исканий и др. В повести Г. Рахима «Идель» с помощью интроспективного метода воссоздания внутреннего мира героя, рационалистического объяснения

психологических фактов запечатлены духовно-интеллектуальные искания предельно сложной и противоречивой личности, диалектика ее конфликтного сознания. Данный вид диалогических отношений, осуществляющий своеобразное взаимоналожение семантических полей «своего» и «чужого» художественно-эстетического опыта, выявляет возможность универсализации воспринятых смыслов, открывает в них метатекстуальные и интертекстуальные интенции.

Наконец, тексты, принадлежащие разным национальным литературам, могут быть осмыслены с точки зрения их общности, как выражающие некую единую культурно-историческую программу. Например, обобщенно-символические формы отражения отдельных душевных состояний в произведениях татарских прозаиков коррелируют с принципами и приемами психологизма ряда русских писателей: И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др. Но истоки синтетических методов психологического изображения в русской и татарской литературах различны. В творчестве русских писателей они восходят к романтической концепции личности, в произведениях татарских авторов суммарно-обозначающая форма психологизма связана с категориями «явного» и «скрытого», их взаимно-однозначными соответствиями и взаимопереходами друг в друга. Таким образом, внешне сходное не всегда является таковым по сути.

Диалогические связи между национальными литературами характеризуются многослойностью, неоднородностью, многообразием межсубъектных связей, их взаимовлиянием друг на друга, сложными, многогранными, противоречивыми процессами взаимодействия «своего» и «чужого», единством прерывного и непрерывного, регионального, национального и всеобщего, универсального. Диалог культур и литератур формирует новые модели их объединения («межлитературные синтезы»), учитывающие многообразие художественно-эстетических традиций, и в то же время выявляет потенциал развития национальной идентичности.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
3. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб, 2002.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001.
5. М.М. Бахтин: Pro et contra: Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: Т. 2: антология. СПб, 2002.
6. Сахно С.Л. «Свое – Чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
7. Шукуров Р. Введение, или Предварительные замечания о Чуждости // Чужое: опыты преодоления. М., 1999.

INTERLITERARY DIALOGUE AS A SUBJECT OF COMPARATIVE RESEARCH

V.R. Amineva

The concept of “interliterary dialogue” is entered in comparative literature studies. The types of dialogical relations between the Russian literature of the 2nd half of the 19th century and Tatar prose of the 1st third of the 20th century are established. They are essential for representation of each of the literatures as a composite and intrinsic integrity and also for defining the forms of interliterary process.

Keywords: Russian and Tatar literature, dialogue, reader.